

RU

Апокалиптические мотивы в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон»

Виноградова О. Н.

Аннотация. Цель исследования - раскрытие концептуального смысла поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». В статье данное произведение исследуется в рамках актуального в настоящее время вектора осмысления творчества поэта: в контексте православия. Научная новизна работы состоит в выделении апокалиптических мотивов в поэме, которые позволяют предположить связанную с христианством концепцию «Демона», а также христианское, православное миропонимание у автора. Впервые объясняется авторская датировка последних редакций поэмы, дается новая трактовка топонимов и антропонимов. В результате работы обнаруживаются доказательства несомненной связи мотивов поэмы «Демон» с Откровением Иоанна Богослова (Апокалипсисом).

EN

Apocalyptic Motives in M. Yu. Lermontov's Poem "Demon"

Vinogradova O. N.

Abstract. The paper aims to reveal the conceptual meaning of M. Yu. Lermontov's poem "Demon". The article addresses this work in terms of the currently relevant vector of the poet's works perception: in the context of Christianity. The scientific originality of the research consists in identification of apocalyptic motives in the poem which suggest a conception of "Demon" connected with Christianity, as well as the writer's Christian, Orthodox worldview. The study explains the writer's dating of the last versions of the poem, gives a new interpretation of toponyms and anthroponyms for the first time. As a result, the research proves the connection between the motives in the poem "Demon" and the Book of Revelation by John the Apostle (Apocalypse).

Введение

В 2010 году вышел сборник статей о творчестве Лермонтова (М. Ю. Лермонтов и православие, 2010), где задан современный вектор изучения житнетворчества поэта: в контексте православной культуры. В настоящее время исследователи все чаще задаются вопросом о том, насколько истинным является представление об отрицательных чертах характера М. Ю. Лермонтова. Например, монах Лазарь (Афанасьев) в интервью Д. Шеварову (Шеваров, Волянская, 2017) говорил о поэте: «Это не Лермонтов – богоборец, циничный молодой человек, а нежной души и особой пронизательности православный юноша, выбравший сложный духовный путь, который никто не заметил». Все это обуславливает актуальность обращения к «Демону» Лермонтова, исследования мотивов поэмы с позиции их возможной согласованности с представлениями христианской православной культуры.

Теоретической базой статьи являются работы Э. Э. Найдича, И. Б. Роднянской (1981, с. 130-137), В. Г. Олейника (1989, с. 299-315), С. Н. Зотова (2001, с. 115-200), Д. А. Алексеева (2012), В. Л. Коровина (2014, с. 18-33) и другие, где были исследованы отдельные библейские мотивы «Демона». Кроме того, опираясь на утверждение И. П. Щерблякина (2013) о том, что «Лермонтов освещает конфликт поэмы в соответствии с канонами евангельских текстов», вслед за Г. А. Сазоновым (2020) полагаем, что общий смысл «Демона» «Это – победа Добра над Злом. / Это – победа Любви истинной над любовью ложной. / Это – победа Бога над Сатаной». Значимым представляется исследование (монография «Тайна Лермонтова») игумена Нестора (Кумыша) (2018), где автор близко подходит к пониманию поэмы «Демон» и задается вопросом: «...не входило ли в творческий замысел поэта художественно-символическое воспроизведение апокалиптической ситуации?» (с. 179).

В русле герменевтического подхода ведущим методом нашего исследования поэмы «Демон» является метод мотивного анализа, где понятие мотива основывается на работах Б. М. Гаспарова (1993), который полагал, что «мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз...» (с. 30), и «при этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое "пятно"...» (с. 30), а текст рассматривается как «ткань» «смысловых

линий» (с. 287), где «процесс текстуальной смысловой индукции развертывается непрерывно, ассоциативно притягивая все новые компоненты смысла» (с. 291).

Задачи настоящей работы: 1) рассмотрение мотивов, мотивных линий «Демона», связанных с образами главных героев поэмы и с мотивами Откровения Иоанна Богослова; 2) выделение мотивов, связанных с датировкой поэмы; 3) интерпретация поэмы с учетом выявленных в ней мотивов.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что его результаты можно использовать в преподавательской деятельности в среднем и высшем образовании в курсах истории и теории литературы при изучении творчества М. Ю. Лермонтова.

Основная часть

Среди вариаций «Демона», которые отражают эволюцию христианского мышления автора, религиозно-философской зрелостью выделяются поздние «кавказские» редакции. За основу возьмем второй вариант предпоследней (VI) редакции, лично датированной Лермонтовым (1988) «1838 года сентября 8 дня» (с. 633).

Название и сюжет поэмы соотносится с библейским мотивом борьбы зла с добром, и этот мотив с наибольшей силой проявлен в Апокалипсисе (Откровение Иоанна Богослова, последняя книга Нового Завета в Библии). Выделим мотивные линии, где мотивы «Демона» явно пересекаются с мотивами Апокалипсиса.

Во-первых, это мотив зла, персонифицированный в образе Демона. На то, что Демон у Лермонтова (1988) – не просто «мелкий бес», указывает множество отсылок: Демон – «счастливый первенец творенья» (с. 631), «чистый херувим» (с. 633), когда-то был низвержен на землю за гордость. Демон обещает Тамару сделать «царицей мира» (с. 651): прослеживается реминисценция из Евангелия, где дьявол, искушая Христа, обещает ему «все царства мира» (Мф. 4:8). В финале Демон – «царь порока» (с. 655). Дьявол, Люцифер, Сатана и Антихрист в том числе (в Откровении – являющийся людям человек, в которого вселится Сатана) – все эти персонифицированные образы зла ассоциируются с Демоном Лермонтова.

Во-вторых, мотивы, связанные с антропонимом главной героини поэмы – Тамара, содержат множество библейских отсылок. С. Н. Зотов (2001, с. 164-165) представил некоторые варианты библейских ассоциаций, связанных с этим именем. Известно, что имя «Тамара» переводится с древнееврейского как «финиковая пальма» – смоковница. В Библии «смоковница понимается в двух смыслах – добром и дурном. Так, это можно заключить из двух кошниц смокв хороших и дурных, показанных Иеремии (Иер. 24:1, 2), из смоковницы, засохшей по слову Христа (Мф. 21:19; Мк. 11:13, 14) и из износящей цвет в книге Песни Песней (Песн. 2:13)» (Святитель Андрей Кесарийский, 2016). Смоковница часто символизирует Израиль (Ос. 9:10; 3Цар. 4:25). В Откровении повествуется о возникновении Нового Иерусалима (Иерусалим – столица Израиля); о последних временах говорится с использованием аналогии о смоковнице (Откр. 6:13). Новый Иерусалим «есть небесная, торжествующая церковь» (Архиепископ Аверкий, 1991, с. 24). Следовательно, можно проследить цепочку мотивов, связанных с именем Тамара: это смоковница, Израиль, Церковь.

В-третьих, концептуальный мотив брака в поэме «Демон». В Апокалипсисе мотив брака, где Бог (Христос) приходит за своей Невестой (Церковью), аллегорически выражает смысл описываемых событий. В Откровении таинственная жена, «облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12:1) – невеста Христа – Церковь. Как пишет архиепископ Аверкий (1991), «некоторые толковники видели в этой таинственной жене Пресвятую Богородицу, но такие выдающиеся толкователи Апокалипсиса, как св. Ипполит, св. Мефодий и св. Андрей Кесарийский, находят, что это “Церковь, облеченная в Слово Отчее, сияющее паче солнца”» (с. 45), а венец жены символизирует, что «будучи первоначально собрана из 12 колен Израилевых, она [Церковь. – О. В.] впоследствии руководима была 12 Апостолами» (с. 45). Тамара ходит за водой «покрыта белою чадрой» (Лермонтов, 1988, с. 635). В Откровении «под “белыми одеждами” разумеются брачные одежды, в которые облечены будут гости на брачном пире царского сына, под образом которого представил Господь в притче будущее блаженство праведников в Своем Небесном Царствии (Мф. 22:11, 12)» (Архиепископ Аверкий, 1991, с. 24). Тамара в поэме может символизировать образ Церкви, которая ждет Жениха. Если предположить, что имя Гудал несет в себе смысл слова гуд, т.е. шум, многоголосие, то можно соотнести антропоним отца Тамары со словами, которыми характеризуются в Откровении избранные Церкви: «И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гусях своих. Они поют как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли» (Откр. 14: 2-3).

Женихи Тамары символичны. По поводу значения местности, откуда приехал жених – «властитель Синодала» (Лермонтов, 1988, с. 637), кроме всем известного объяснения А. П. Шан-Гирея о замке Цинандали, С. Н. Зотов (2001, с. 166-167), к примеру, представил три ассоциации: пустыня Син и Син – крепость Египта, а также образование наименования Синодал по аналогии с именем Гудал. Между тем есть очевидная отсылка к слову «Синод» (и к производному от него слову «синодальный»). Прямое значение слова «синодал» – кто-то, принадлежащий к Синоду (Высшему коллегиальному церковному учреждению в России с 1721 по 1917 года). На наш взгляд, топоним «Синодал» ассоциируется с Синодом, управлявшим во времена Лермонтова Церковью (собранием) верующих православных христиан. Вероятно, для Лермонтова, как и для многих его современников, Синод воспринимался как орган государственной власти и не очень совмещался с понятием Церкви как собранием верующих. Отождествление Синода с Церковью в аллегорическом плане подобно

попытке жениться, и именно такая аллегория выражена в поэме. Казалось бы, свадьбе ничего не должно помешать: Тамара согласна выйти замуж за властителя Синодала, ждет его. Но красивый и богатый властитель не доходит до брачного пира: он «презрел... обычай прадедов своих» (Лермонтов, 1988, с. 638), и вместо того, чтобы молиться, «Он, в мыслях, под ночью тьмою / Уста невесты целовал!» (с. 638).

Акт поцелуя сакрален. «Сексуальная сторона поцелуя – случайное совпадение с его сакральным значением. Если бы поцелуй имел лишь сексуальное происхождение, то не было бы обычаев целовать крест, икону, мезузу, молитвенник, оружие, землю, детей, родственников, друзей, покойников» (Голан, 1994, с. 167). Иуда целованием предал Христа (Мф. 26:47-49; Мк. 14:44-45; Лк. 22:47-48). Жених-властитель, в мечтах целуя Тамару, склонялся к плотскому вожделению, не помышлял о духовном (что можно трактовать как тяготение Синода более к делам земным, государственным). Между тем поцелуй Демона не имеет ничего общего с плотским поцелуем: «И он слегка / коснулся жаркими устами / Ее трепещущим губам, И лести сладкими речами / Он отвечал ее мольбам. / Могучий взор смотрел ей в очи; / Он жег ее; во мраке ночи / Над нею прямо он сверкал, / Неотразимый, как кинжал...» (Лермонтов, 1988, с. 652). Это сравнение «ласк» Демона с кинжалом ассоциативно соотносится с оружием, которым Бог поражает врагов: мечом уст своих. В Библии об этом говорится неоднократно: так, Бог «жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого» (Ис. 11:4); «Господь Иисус убьет духом уст Своих» (2Фес. 2:8). В Апокалипсисе Иоанн описывает явление Бога: «Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч...» (Откр. 1:16), приводит слова Господа: «...сражусь с ним мечом уст Моих» (Откр. 2:16). Очевидно, что Дух уст Бога – меч, выходящий из Его уст. По аналогии с Апокалипсисом дух уст Демона – кинжал, которым он пытается поразить Тамару. И оружие Сатаны – лесь (ложь).

Тамара представляет для злого духа (Демона, Сатаны) особый интерес, так как она обладает прекрасной душой, изначально принадлежащей небесному, божьему миру. «Как явная, так и тайная богохранимость Тамары, отмеченная в проанализированных сценах поэмы, подчеркивает невинную чистоту и небесную красоту ее души» (Игумен Нестор (Кумыш), 2018, с. 171). На то, что Тамара ждет жениха необычного, указывает и фраза о том, что ради жениха Тамара «забыла мир земной» (Лермонтов, 1988, с. 636). Следовательно, речь идет о браке духовном, о битве за душу прекрасной Тамары (которая, повторимся, символизирует образ Церкви) между Демоном (Сатаной), женихом (властителем Синодала) и Богом. Игумен Нестор (Кумыш) (2018) пишет: «Демон Лермонтова – законченный поборник зла, в котором при внимательном рассмотрении не усматривается ни противоречий, ни незавершенности, ни досадной недоработанности... его изображение выполнено поэтом в строгом соответствии с законами реалистического искусства» (с. 153); а «единственная цель Демона – заразить своим демонизмом чистую и невинную душу» (с. 155). В последних редакциях поэмы нет согласия Тамары на любовь с Демоном (то, что послышалось сторожу – внушение дьявола). Тамара пытается спастись, но не может оградиться от Демона: даже стены монастыря, святыни и херувим не ограждают ее от тотального присутствия зла.

Связь между образом Церкви и образом женщины в Апокалипсисе очевидна, как и то, что «с древнейших времен христиане говорили о Церкви как о своей Матери, или как о Деве Матери» (Бэр, 2004, с. 130). Более того, «знаменем или олицетворением ее [Церкви. – О. В.] является сама Мария [Божья Мать. – О. В.]» (с. 140). Обратим внимание на датировку поэмы: «1838 года сентября 8 дня» (Лермонтов, 1988, с. 633). Этот вариант поэмы был подарен Варваре Александровне Лопухиной. Дата, внесенная рукой автора под названием произведения, т.е. фактически в заголовок, глубоко символична и является ключом к пониманию поэмы. 8 сентября (по ст. ст.) – 21 сентября (по н. ст.) – праздник Рождества Пресвятой Богородицы (то, что даты в произведениях Лермонтова не случайны, можно доказать и тем, что VII редакция «Демона», не сильно отличающаяся от VI редакции, тоже датирована, но 4 декабря 1838 года: днем памяти святой великомученицы Варвары, что соотносится с именем адресата предшествующей редакции).

Мотивы, связанные с образом Пресвятой Богородицы, в «Демоне» явно выражены. Действие в последних вариантах поэмы разворачивается в Грузии (Иверии, Иберии). В православном мире известно предание о том, что Иверия является первым Уделом Пресвятой Богородицы (Сабинин, 2012; Святитель Дмитрий Ростовский, 2019), и люди, населяющие этот край, верили и верят, что и в последние, апокалиптические времена Божья Мать не оставит свой жребий, выпавший ей первым. Если представить ассоциации, связанные с Иверской иконой образа Божьей матери начала XIX в., то вспоминается Иверская часовня в Москве у Вознесенских ворот Кремля. Иверская икона образа Божьей Матери, находившаяся там до войны 1812 года, была в почете у горожан, а после войны разрушенную часовню восстановили в память о победе над Наполеоном: победе России. Кроме того, в поэме «Демон» образ России православной (а Грузия входила в состав России) может соотноситься с мотивами, сопровождающими идею Филофея «Москва – Третий Рим», где Россия предстает последним прибежищем в апокалиптические времена, последним оплотом христиан да и всего человечества.

Конкретное место действия в поэме «Демон» также соотносится с апокалиптическими мотивами. Заметим, что исторические и географические привязки позволяют допустить мысль о том, что Церковь св. Георгия в Млете является наиболее вероятным местом, около которого был, по замыслу автора «Демона», убит жених (если допустить хоть небольшую документальность, всегда присущую Лермонтову). Приведем ассоциативную цепочку. Есть несколько координат: жених ехал к невесте, которая ежедневно ходила за водой к реке Арагве. Жених «достиг зеленых берегов» (Лермонтов, 1988, с. 637) Арагвы, которая оказалась по правую от него сторону, в глубине: «...направо глубь реки мятежной» (с. 638). Часовня стояла скорее всего не на самой дороге, иначе властитель Синодала все же зашел бы в нее на минутку. В часовне похоронен князь, убитый из мести. Поиски

лермонтоведов места «проживания» князя Гудала привели к месту Гудаури (Шадури, 1981, с. 123). Гудаури – село на южных склонах Большого Кавказского хребта в Казбегском муниципалитете Грузии, по Военно-Грузинской дороге, недалеко от Крестового перевала. Кроме говорящего названия населенного пункта, река Арагви подходит столь близко к селению, что ходить за водой Тамара, действительно, могла ежедневно. Получается, жених ехал по направлению к Гудаури предположительно с Карабаха (раз конь – «питомец резвый Карабаха» (с. 638)). В таком случае путник должен был проехать близ устья Арагви и ехать далее по направлению ее верховья и в месте, где Арагви разделяется на Белую и Черную, продолжить путь вдоль Белой Арагви (река при этом – по правую сторону). Подъезжая к Гудскому ущелью, которое расположено на склонах Большого Кавказа (к югу от Крестового перевала), жених мог пересечь один (или даже несколько) исток Арагви. По этому пути, недалеко от Военно-Грузинской дороги, в селении Млета (Земо-Млета) есть древний храм св. Георгия (он остался к началу XIX века от комплекса монастыря св. Георгия Ломисского). «И вот часовня на дороге... / Тут с давних лет почивает в боге / Какой-то князь, теперь святой, / Убитый мстительной рукой» (с. 638). Храм св. Георгия хорошо виден с дороги, но чтобы зайти помолиться, надо сойти с дороги и подняться по крутой тропе, где перепад высоты превышает 700 метров. Этим обстоятельством и можно объяснить нежелание жениха совершить молитву. Ломисский монастырь, стоявший, по преданию, на этом месте ранее, был очень древним (VI век) и значимым (в XIV веке там молились царские особы) (Еремеев, 2018), Церковь св. Георгия являлась почитаемой святыней и в 1800 году. Но вот после присоединения Грузии к России в результате военных столкновений от монастыря осталась только церковь. Мотив мести, связанной с этим святым местом, повторяется в истории дважды. Во-первых, известна страшная ответная реакция местных жителей в ответ на жестокое обращение с ними русских чиновников в 1804 году (Дубровин, 1886), во-вторых, еще до союза с Россией областью правил столь несправедливый и жестокий княжеский род, что местные жители из мести убили двоих князей, захоронив одного «недалеко от Млета» (Гадиев, 2010). Село Земо-Млета находилось недалеко от города Мцхета (сейчас село входит в край Мцхета-Мтианетия), а Мцхету называли вторым Иерусалимом, а Иерусалим Небесный (новый Иерусалим) в Апокалипсисе сравнивается с Церковью, Невестой Бога: «...святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2).

Таким образом, интеграция мотивных линий «Демона» позволяет предложить следующую концептуальную интерпретацию поэмы: абсолютное зло тотально обступило землю, Россию (Грузию); наступили решающие времена, последняя битва добра со злом. Церковь – последняя опора, последний рубеж, который может противиться Сатане. Она сопротивляется и ждет «на подмогу» жениха: властителя Синодала. Синод автор не отождествляет с Церковью, что символизируется в поэме гибелью жениха. Невеста после этого остается беззащитной, Демон (Сатана) торжествует. Но душе, преданной Богу, Демон не может навредить (не имеет такой власти), и такая душа в итоге сочетается с истинным женихом – Богом и побеждает. Душа Тамары остается верной Богу, и после смерти Он посылает за ней ангела, который, несомненно, забирает ее к Богу, т.к. Церковь бессмертна, и «врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18), что утверждает и датировка поэмы: 8 сентября – Рождество Пресвятой Богородицы.

Заключение

Итак, можно сделать выводы о том, что мотивные линии, связанные с образом Тамары, ведут к многочисленным ассоциациям, включающим в себя символику Церкви-Невесты, Девы Марии, Иверского образа Божьей Матери, Иерусалима. Мотивы брака, невесты, жениха, поцелуя в поэме соотносятся с подобными мотивами в Откровении Иоанна Богослова, с мотивом борьбы добра и зла.

Ключом к пониманию смысла «Демона» является намеренное датирование поэмы автором, где дата 8 сентября 1838 года обнаруживает мотив, связанный с образом Пресвятой Богородицы, ассоциирующийся с апокалипсическими мотивами жены, Церкви; сочетающийся с мотивами, взаимодействующими с образом Тамары в поэме.

Концептуальный смысл поэмы заключается в содержании в ней имплицитного авторского толкования Апокалипсиса, где помимо канонической версии, выраженной в Откровении Иоанна Богослова, присутствуют авторские мотивы, соотносящиеся с православным контекстом, мотивы-топосы: Грузия, Синодал.

Итогом исследования видится возможность на основе проведенного мотивного анализа поэмы «Демон» охарактеризовать миропонимание М. Ю. Лермонтова как христианское и православное.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в пристальном дифференциальном изучении мотивов поэмы; в данной работе обозначены лишь ключевые позиции, которые требуют углубленного рассмотрения.

Источники | References

1. Алексеев Д. А. «Демон». Тайна кода Лермонтова. Воронеж: АИСТ, 2012.
2. Архиепископ Аверкий. Апокалипсис, или Откровение Святого Иоанна Богослова. История написания, правила для толкования и разбор текста. М.: Оригинал, 1991.
3. Бэр И. Дева Матерь - Дева Церковь // Богословский вестник. 2004. № 4.

4. Гади́ев С. Арагви́йский князь Нугза́р Эри́стави. 2010. URL: <https://www.iriston.ru/autor/aragvijskij-knyaz-nugzar-eristavi-seka-gadiev>
5. Гаспа́ров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука. Восточная литература, 1993.
6. Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1994.
7. Дуброви́н Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. 1886. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Dubrovin_N_F/Ist_vojny_kavkaz_4/text9.php
8. Еремеев А. Ломиси. Монастырь над Кавказом. 2018. URL: <https://eremeevblog.wordpress.com/2018/02/09/л/>
9. Зотов С. Н. Художественное пространство - мир Лермонтова. Таганрог: ТТПИ, 2001.
10. Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова. Православная художественная литература. 2018. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2018/2/1803.pdf>
11. Коровин В. Л. О библейских мотивах в лермонтовском «Демоне» в связи с его творческой историей (от Байрона - к Мильтону) // Литературоведческий журнал. 2014. № 35.
12. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1988. Т. 1.
13. М. Ю. Лермонтов и православие: сб. ст. о творчестве М. Ю. Лермонтова / сост. В. А. Алексеев. М.: Изд. дом «К единству!» Международного фонда единства православных народов, 2010.
14. Найди́ч Э. Э., Родня́нская И. Б. «Демон» // Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М.: Сов. энцикл., 1981.
15. Олейник В. Т. Лермонтов и Мильтон: «Демон» и «Потерянный рай» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. Т. 48. № 4.
16. Сабинин М. П. Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви. 2012. URL: <https://predanie.ru/book/111480-polnoe-zhizneopisanie-svyatyh-gruzinskoj-cerkvi>
17. Сазонов Г. А. Познаем ли мы «Демона»? О самой загадочной поэме Михаила Лермонтова. 2020. URL: <https://rospisatel.ru/sazonov-demon.html>
18. Святитель Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис св. Иоанна Богослова. 2016. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Kesarijskij/tolkovanie_na_apokalipsis/6
19. Святитель Дмитрий Ростовский. Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Иберии. 2019. URL: <https://pravoslavie.ru/59035.html>
20. Шадури В. С. Гуд-гора // Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М.: Сов. энцикл., 1981.
21. Шеваров Д., Волянская К. Монах Лазарь и русская классика: ни осуждения, ни приговора. 2017. URL: <https://www.pravmir.ru/monah-lazar-i-russkaya-klassika-ni-osuzhdeniya-ni-prigovora>
22. Щеблы́кин И. П. М. Ю. Лермонтов и православие. 2013. URL: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/m-yu-lermontov-i-pravoslavie-ip-scheblykin-200666>

Информация об авторах | Author information

Виноградова Оксана Николаевна¹

¹ Московский городской педагогический университет

Vinogradova Oksana Nikolaevna¹

¹ Moscow City Pedagogical University

¹ oksana_kist@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.12.2021; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): М. Ю. Лермонтов; поэма «Демон»; мотив; Апокалипсис; христианство; M. Yu. Lermontov; poem “Demon”; motive; Apocalypse; Christianity.